

¹⁰ Баранов Эдуард Трофимович, гр. (1811—1884), генерал, в 1858 г. начальник гвардейского генерального штаба.

¹¹ «Парус» — еженедельная газета, издававшаяся в 1859 г. в Москве И. С. Аксаковым. По выходе второго номера «Парус» был закрыт правительством за статью М. П. Погодина «Прошедший год в русской истории», в которой подвергалась критике внешняя политика правительства и в которой цензура усмотрела недопустимое «вмешательство частных лиц в виды и соображения правительства, несообразное с началами нашего государственного и общественного устройства». См. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XVI, СПб., 1902, стр. 305—361.

III. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И М. А. АНТОНОВИЧ

Из воспоминаний О. Антонович-Мижуровой

Считаю не лишним в настоящее время, когда особенно сильно проснулся интерес к 60-м годам и их стали изучать со всех сторон, рассказать кое-что о двух людях того времени: о Николае Гавриловиче Чернышевском и о моем отце, Максиме Алексеевиче Антоновиче.

Имя Антоновича связано с именами Добролюбова и Чернышевского. Добролюбов первый заметил в нем литературное дарование, а Николай Гаврилович помог развить его. Но кроме интереса к Антоновичу, как к писателю, Чернышевский заинтересовался им и полюбил его, как человека.

Отец мой познакомился с Чернышевским в конце 1860 г., после отъезда Добролюбова по болезни за границу. В «Современнике» до этого времени было напечатано несколько статей Антоновича и он считался уже постоянным сотрудником этого журнала, но имел всегда дело с Добролюбовым; Чернышевского же даже никогда не видал. Но уезжая, Добролюбов поручил своего протеже Чернышевскому, забыв однако сообщить последнему адрес молодого человека. И вот Чернышевский, исполняя просьбу Добролюбова, с большим трудом разыскав адрес Антоновича, пригласил его прийти к себе на квартиру в какое удобное время и просил, если не застанет его дома, дожидаться его возвращения.

Не без волнения отправился к нему Антонович. Чернышевский принял его, хотя довольно лобезно, но как-то странно: даже не поздоровавшись, сразу строго накинулся на него за то, что он не сообщает своего адреса, не пишет ничего для «Современника» и даже не является за причитающимся ему гонораром. Но заметив, вероятно, смущение молодого человека, Николай Гаврилович сразу переменял тон и участливо стал расспрашивать его, что он думает делать и чем заниматься — Максим Алексеевич в то время только что окончил Духовную Академию. На ответ Антоновича, что он по совету Добролюбова собирается посвятить себя педагогической деятельности, а также писать, Чернышевский решительно заявил, что нужно бросить мысль об учительстве и отдаться всецело литературной деятельности. Затем он взял с Антоновича слово, что он в самом скором времени напишет что-нибудь для «Современника». На замечание молодого богослова, что тот даже не знает, о чем писать, Николай Гаврилович посоветовал ему разбирать какие-нибудь книги по философии, так как Добролюбов говорил ему, что молодой человек очень интересуется этим предметом и знает его. Антонович воспользовался этим советом и написал несколько статей по философии.

Вскоре после первого знакомства Антонович был приглашен Чернышевским на его журфиксы, чем молодой человек также не замедлил воспользоваться. На журфиксах этих в 1860—61 учебном году собиралось очень много народу и посетители разделялись на два разряда: на гостей самого Николая Гавриловича и на гостей его жены, Ольги Сократовны. Первые собирались у него в кабинете и представляли собой сливки интеллигенции. Гости Ольги Сократовны, состоявшие из военной и штатской блестящей

молодежи, собирались в зале, откуда неслись звуки музыки, смех и шум.

Мой отец по своей застенчивости туда не показывался, а предпочитал скромно сидеть где-нибудь в уголке в кабинете у Николая Гавриловича, жадно прислушиваясь к разговорам, но не принимая в них участия.

В следующем 1861—62 учебном году, когда, вследствие наступившей реакции, на Чернышевского стали смотреть, как на опасного человека — нигилиста, на приемных днях у него стало бывать очень мало народу.

Положение Антоновича в начале его знакомства с Чернышевским было очень неопределенное. Максим Алексеевич, только что окончив курс, был не у дел и находился всецело в распоряжении духовного ведомства, не имея даже паспорта и живя по выданному ему из духовной академии аттестату. Духовное начальство уже назначило его преподавателем в Костромскую духовную семинарию, а так как Антонович от этого отказался, приказало ему ехать на родину, т. е. в Харьковскую губ. и там поступить в распоряжение местного епископа, который мог распоряжаться им по своему усмотрению, как хотел. Но Антонович, который, еще учась в Академии, был атеистом и решил выйти из духовного звания, после знакомства с Добролюбовым и Чернышевским еще более утвердился в своем решении и не уезжал из Петербурга.

После громадных усилий и хлопот Николаю Гавриловичу удалось устроить своего протеже в военное ведомство на штатное место, но без жалованья. Этим способом Антоновичу удалось уйти из-под власти духовенства.

Отец с умилением рассказывал о необыкновенной доброте Николая Гавриловича, о его готовности помочь всем и каждому, в особенности пишущей братии.

Оказанная Чернышевским услуга Антоновичу и заботы о нем тесно сблизили их между собой. Максим Алексеевич был у него в доме своим человеком и они виделись очень часто. Знакомство их, к сожалению, продолжалось всего около трех лет.

В июле 1862 г. (по старому стилю) над Чернышевским стряслась беда... Мой отец, как известно, присутствовал при его аресте и был у него в заключении после суда и приговора. С большим трудом удалось отцу вместе с другим сотрудником «Современника», Елисеевым, добиться этого свидания, так как они не состояли ни в каком родстве с осужденным. Николай Гаврилович по словам отца был хотя бледен, но довольно бодр, расспрашивал его о его личных делах, в частности о его предстоящей женитьбе и сказал, что надеется в ссылке писать для «Современника».

Сидя в тюрьме, Чернышевский, как известно, написал свой знаменитый роман «Что делать?», и здесь я хочу сказать кое-что по поводу этого романа.

Родители мои хорошо были знакомы с доктором Боковым, его женой и их другом дома Сеченовым. Но ни отец мой, ни мать никогда не говорили, что Чернышевский в этом своем романе вывел якобы чету Боковых и Сеченова. А на это кстати было бы указать мне, когда я, с большим трудом доставши этот роман, бывший в то время под запретом, стала читать его; кстати еще и потому, что я знала всех трех якобы героев его. Напротив, мама говорила мне, что в лице Веры Павловны Чернышевский хотел изобразить Ольгу Сократовну, которую он страшно идеализировал. Но по мнению мамы у жены Николая Гавриловича с героиней романа если и было сходство, то только во внешности, а именно у Веры Павловны подобно Ольге Сократовне были очень маленькие ручки и ножки, да разве еще в том, что обе женщины покупали себе обувь в самом лучшем в то время башмачном магазине Королева. О том, что в романе «Что делать?» выведены Боковы и Сеченов, я услышала впервые всего несколько лет тому

назад, да недавно прочла в книге Т. Н. Болданович «Любовь людей 60-х годов».

П. И. Боков, по словам моих родителей, был не особенно умным и не серьезным человеком, но очень красивым мужчиной, имевшим большой успех у женщин.

Жену его я почти не помню. По словам родителей — это была женщина очень умная, серьезная, с большими умственными интересами, но довольно некрасивая. Вообще по их словам она была ему совсем не пара. Супруги давно уже охладели друг к другу и расхождение их произошло само-собой, по обоюдному соглашению и к их обоюдному удовольствию. Решиться, чтобы предоставить жене свободу, на какую-нибудь героическую меру вроде Лопухова было совсем не в характере Бокова.

Сеченова я хорошо знала, так как слушала его лекции по нервной физиологии в бытность мою на Высших (Бестужевских) женских курсах. Этот даровитый ученый, умный и серьезный человек, в противоположность Бокову был поразительно некрасив собой; находили, что он похож на один вид ночной бабочки, называемой «мертвой головой» и поэтому его так и прозвали «мертвой головой».

На справедливость моих слов, а именно сомнения в том, что Чернышевский в своем романе вывел чету Боковых и Сеченова, указывает также Е. И. Жуковская в своих «Записках» на стр. 216, где она описывает Слепцовскую коммуну. Однажды на вечере, когда там собрались гости, к ней подошел Слепцов с такими словами: «...Головачев представит Вам красавца доктора, текущую знаменитость, будто бы вдохновившего автора романа «Что делать?» списать с него Лопухова. Между тем должен заметить, что не автор романа списал с него свой тип, а наоборот, сам доктор вдохновился романом и разыграл его в жизни: порука в том хронология. Вы все-таки не смущайтесь: он хоть и лжегерой, но все-таки чертовски красив»...

Если уж Слепцов, который был в «Современнике» своим человеком, был знаком и знал личную жизнь многих его сотрудников, если уж он так уверенно говорил по словам Жуковской, что Боков разошелся с женой по рецепту романа Чернышевского, то, надо думать, это действительно так и было.

Когда Чернышевскому разрешено было переехать в Саратов, мой отец предполагал повидаться с ним, условившись встретиться как бы случайно на пароходе. Но смерть Николая Гавриловича помешала исполнению этого плана, о чем отец очень жалел. К сожалению, мне не довелось познакомиться с этим замечательным человеком.

О том, как Чернышевский ценил моего отца и как любил его, можно судить по письму Николая Гавриловича от 29-го августа 1888 года, ныне переданного мною Литературному Музею в Москве.

Письмо это было написано отцу по следующему поводу: в 1837 г. в «Русской Мысли» (книга X) была помещена за подписью «М. А.» статья Антоновича «Доисторический быт индо-европейцев по данным сравнительного языкознания», представляющая собой разбор книги О. Шрадера «Сравнительное языкознание и первобытная история. Лингвистико-исторический материал для исследования индо-германской древности». Перевод с немецкого. Переводил же эту книгу никто иной, как Чернышевский; но фамилия его, конечно, не стояла. Привожу это письмо целиком:

«Милый друг Максим Алексеевич! Чувства мои к Вам остались такими же неизменными, как Ваши ко мне. Досадно мне было видеть, что Вы не находите возможным работать для русской журналистики, нуждающейся в деятелях, подобных Вам. Сколько я могу судить по чтению, она не имела ни

одного такого со времени прекращения Вашего участия в ней и не имеет ни одного, подающего надежды стать таковым.

От Лаврова, приехавшего сюда летом, я узнал, что помещенная в «Русской Мысли» статья о книге Шрадера принадлежит Вам. Тогда я понял, что мысль написать об этой книге внушена Вам желанием выказать печатным образом расположение ко мне. Благодарю, но не в благодарности моей дело, а в том, что по поводу сообщенного Лавровым имени автора завязался у нас разговор. Я не имел надобности говорить Лаврову, что считал бы Ваше участие в «Русской Мысли» полезным для нее: он сам стал говорить в этом тоне, так что мне оставалось только вставлять по временам короткие слова, что я разделяю высказанное им мнение о Вас. Он (и по всей вероятности Гольцев, которого я не знаю лично и так:) он человек хороший и настолько умный, чтобы понимать мысли, до которых не додумался сам. При начале сотрудничества, Вам пришлось бы объяснить ему, почему Вы написали о том или другом в духе, непривычном ему, но он скоро привык бы разделять Ваши мысли, насколько они понятны ему и полагаться на основательность Ваших мнений по вопросам, остающимся туманными для него. Сделаться руководителем Гольцева было бы, вероятно, задачей более хлопотливою, но я полагаю, что при некотором терпении Вы подчинили бы себе и Гольцева.

Попробуйте войти в сношения с ними. Мне хотелось бы знать, заходите ли Вы сделать это и, если попытаетесь делать, то как идет дело соглашения. Если Вы найдете удобным сообщать мне новости такого рода и не покажется Вам удобно писать мне, то, вероятно, может передавать сведения от Вас мне Миша. Благодарю Вас за то, что Вы взяли к себе и сохранили дневники и другие бумаги Добролюбова. Я знал, что Вы любили его.

Целую руки Елизаветы Ивановны. Для Вашей Оленьки было бы честью не по летам подобное отношение мое к ее руке, поэтому обнимаю и целую ее саму. Целую других Ваших детей. Будьте здоровы. Целую Вас.

Ваш, всегда бывший прежним в своей любви к Вам Н. Ч.».

К сожалению, пожеланиям Николая Гавриловича не суждено было исполниться: редакция «Русской Мысли» не считала Антоновича полезным для себя человеком и он так и не сделался постоянным сотрудником этого журнала...

После смерти Чернышевского Ольга Сократовна приезжала в Петербург, хлопоча и собирая деньги на постройку ему памятника, проект которого сделал первый муж старшей дочери А. Н. Пыпина, художник Бернштам.

Она произвела на меня грустное впечатление довольно невежественной, неразвитой, очень религиозной и даже суеверной женщины, очень резкой и деспотичной. Взгляды, деятельность и значение своего мужа она едва ли понимала, а если и понимала, то весьма смутно. Вообще она была совершенно не пара Чернышевскому. Когда мой отец, участвуя в недолго вышедшем журнале «Новое Обозрение» (в 1881 г.) познакомился на литературной почве, а затем очень сошелся с умной, высокообразованной и выдающейся женщиной, имя которой занимает видное место в истории высшего женского образования в России — Е. И. Конради, которую он по уму и по взглядам на литературу ставил на первое место после Чернышевского, он сказал маме: «Вот какую жему следовало иметь Николаю Гавриловичу!» И мама вполне соглашалась с ним, тем более, что Евгения Ивановна Конради в молодости была по словам многих, знавших ее в то время, замечательно красива.

Михаил Николаевич Чернышевский, младший сын Николая Гавриловича, при издании собрания сочинений своего отца много раз обращался за

29. 01. 1888

Ваше письмо
получено. Благодарю.

Правда, как и в Вашем первом письме, не могу сказать, как Вам и все другие. Вообще говоря, мне бы не хотелось заниматься политикой. Но если вы действительно интересуетесь этим делом, то, конечно, я могу помочь во всяком, что не входит в мои обязанности. Я очень рад, что вы интересуетесь этим делом.

Она, правда, действительно имеет много, что сказать. Но, конечно, не следует забывать, что это дело имеет много особенностей. Я очень рад, что вы интересуетесь этим делом. Я очень рад, что вы интересуетесь этим делом. Я очень рад, что вы интересуетесь этим делом.

Кстати, в связи с тем, что вы интересуетесь этим делом, я хотел бы сказать, что вы можете обратиться к моему другу, который занимается этим делом. Он очень хорошо знает все детали. Я очень рад, что вы интересуетесь этим делом.

Надо будет еще раз подумать об этом. Я очень рад, что вы интересуетесь этим делом. Я очень рад, что вы интересуетесь этим делом. Я очень рад, что вы интересуетесь этим делом.

Удачи вам во всем. Я очень рад, что вы интересуетесь этим делом. Я очень рад, что вы интересуетесь этим делом. Я очень рад, что вы интересуетесь этим делом.

Удачи во всем. Благодарю.
Ваш, старый друг,
Александр М. Чернышевский.

советами, помощью и указаниями к Максиму Алексеевичу и принимал их к сведению.

Через несколько лет после смерти Чернышевского один приятель и поклонник Максима Алексеевича, А. К. Томашевский (издавший его большой труд о Дарвине), саратовский уроженец, купил на родине у какого-то своего тамошнего знакомого конторку Николая Гавриловича и подарил ее моему отцу, чем доставил последнему громадное удовольствие. Конторка эта оказалась очень неудобною для писанья; но отец смотрел на нее, как на драгоценную реликвию, а после его смерти я передала ее в Институт Русской Литературы (Пушкинский Дом).

Туда же я отдала интересный документ, найденный мною в архиве моего покойного отца и озаглавленный «В альбом О. С. Васильевой», т. е. своей будущей жене в то время, когда она была его невестой. Здесь на двух маленьких листиках бумаги Николай Гаврилович высказывает ей свои взгляды на женщину, как на человека вообще и как на жену в частности. Женщина по его мнению должна быть равна с мужчиной, чего на самом деле нет. Выйдя замуж, она делается рабыней мужа и находится на положении чуть ли не прислуги, что по его мнению гнусно. Поэтому обязанность каждого порядочного мужчины изменить такое отношение «даже (цитирую его слова) с опасностью впасть в другую крайность...—лучше стать рабом для водворения равенства в будущем, нежели увековечивать рабство других из боязни стать рабом самому»...